

Ч Т Е Н І Я
ПО
ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. Л. ДЮВЕРНУА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ВВЕДЕНИЕ И ЧАСТЬ ОБЩАЯ.
(ВЫПУСКЪ I-й).

3-Е ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лн. 28.
1898.

2620

Въ предпринятое третье изданіе моихъ лекцій (Чтеній, по новому) имѣется въ виду ввести не только тѣ части курса, которыя были *мною* напечатаны до сего два раза, но и такія его части, которыя до сего печатались не разъ *моими слушателями*, обыкновенно въ количествѣ экземпляровъ соотвѣтствующемъ ихъ числу. Все изданіе составитъ болѣе или менѣе близкое воспроизведеніе того что я преподаю въ Университетѣ. Неодинаковая обработка разныхъ частей происходитъ оттого, что я не всегда успѣваю привести всѣ мои печатныя лекціи въ желательное соотвѣтствіе съ общимъ планомъ устнаго преподаванія. Однѣ части появляются обработанными полнѣе, другія менѣе полно. Курсъ или значительная его часть должна быть готова къ извѣстному времени, ибо иначе непочему будетъ готовиться къ экзамену. Въ настоящемъ изданіи Чтеній я надѣюсь приблизить печатное изложеніе и тѣхъ частей (главнѣйшія ученія вещнаго права и общую часть обязательствъ), которыхъ до сего не издавалъ самъ, къ устному моему преподаванію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ (если смогу) приближеніе будетъ значи-

тельно; въ другихъ придется ограничиться необходимыми исправленіями старыхъ перепечатокъ. Это будетъ шагъ впередъ къ желательному и удобному, не для однихъ слушателей, изложенію моихъ мыслей.

Подробное оглавленіе войдетъ въ послѣдующіе *выпуски*

Н. Д.

Ноябрь, 1897 г.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1.

Предварительное объясненіе. — Современное состояніе кодифицированнаго гражданскаго права на Западѣ и у насъ. — Возрастающая трудность практическаго изученія новыхъ системъ. — Наша задача. — Два кардинальныя начала, лежащія въ основѣ мѣстныхъ кодексовъ и соотвѣтствующія имъ дисциплины.

Мы открываемъ сегодня курсъ гражданскаго права, рассчитанный на нѣсколько семестровъ. Занятія вами этимъ предметомъ, начатыя сегодня, будутъ продолжаться въ университетѣ до дня вашего выхода. Въ задачахъ курса, до такой степени продолжительнаго, необходимо дать себѣ отчетъ заранѣе, прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ выполненія. Безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ свѣдѣній мы легко позже затеряемся въ подробностяхъ, и самостоятельныя занятія гражданскимъ правомъ въ послѣдующихъ семестрахъ совсѣмъ не будутъ возможны. Затрудненія будутъ чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе и станутъ безвыходными. Работа потеряетъ всякую занимательность, и трудъ будетъ слабо вознагражденъ, если на каждомъ шагу, въ курсѣ, будутъ встрѣчаться контroversы, мнѣнія разныхъ писателей, часто не русскихъ, положенія римскаго права, новыхъ кодексовъ, историческія экскурсіи, гипотетическія построенія и проч., и при этомъ слушателямъ не будетъ ясно, въ какомъ отношеніи все это стоитъ къ задачѣ ознакомленія съ русскимъ гражданскимъ правомъ.

Обыкновенно юристамъ сначала кажется, что надо поскорѣй приступить къ тексту закона, не толковать много о вводныхъ ученіяхъ, не входящихъ въ составъ положительнаго законодательства, искать отвѣтовъ въ судебной практикѣ, а не въ отвле-

ченныхъ ученіяхъ. Въ такомъ взглядѣ и въ такихъ требованіяхъ есть своя справедливая сторона. Чѣмъ скорѣе къ практическимъ задачамъ, тѣмъ лучше для юриста. Но положеніе преподавателя и слушателей гражданского права не всегда и не вездѣ одинаковое.

Когда вамъ объявляютъ курсъ гражданского права, дѣйствующаго во Франціи, то это Code civil, съ доктринами, юриспруденціей, тысячекратно разработанный для цѣлей практическихъ, учебныхъ, изданный во множествѣ видовъ, съ указаніемъ матеріала, послужившаго его основой, съ памятниками, касающимися редакціи его статей и проч., переложенный, наконецъ, въ стихи для желающихъ запоминать цѣлыя тирады наизусть. И такъ, это одинъ кодексъ гражданского права для цѣлаго обширнаго государства, получившій, какъ увидимъ далѣе, скоро примѣненіе далеко за предѣлами Франціи. Когда вамъ предлагаютъ курсъ Прусскаго ландрехта, то это будетъ кодифицированное въ концѣ прошлаго столѣтія мѣстное право, котораго главные составные элементы даются двумя общими системами права, римской и германской, и видоизмѣняются мѣстной законодательной дѣятельностью. Особенность, которую мы здѣсь отмѣтимъ, будетъ состоять въ томъ, что значительное число округовъ самой Пруссіи находится не подъ господствомъ Прусскаго ландрехта, и чтобъ узнать, столь же близко къ практикѣ, какъ во Франціи, гражданское право Прусскаго государства, надо ознакомиться не съ однимъ, а съ нѣсколькими кодексами. Для обозрѣнія пестроты дѣйствующихъ въ Пруссіи юридическихъ нормъ вы найдете въ руководствѣ Рота (Roth, System d. deutsch. Privat-Rechts, т. 1) 66 стрр. однихъ перечисленій, въ какой провинціи какое дѣйствуетъ право (стрр. 57—123). Любопытно, что въ отдѣльной большой области прусскаго государства, въ Рейнскихъ провинціяхъ, прусское право примѣняется какъ исключеніе, а какъ общее правило дѣйствуетъ французскій кодексъ (тамъ же, стр. 121 и слѣд.). Натурально, изученіе гражданского права, дѣйствующаго въ Пруссіи, *гораздо затруднительнѣе*, и курсъ такого содержанія будетъ несравненно сложнѣе, чѣмъ курсъ французскаго гражданского права. Неудобно, держась близко текстовъ, исчерпывать содержаніе хотя бы двухъ кодексовъ разнаго строенія. Надо искать выхода въ какихъ-либо обобщающихъ ихъ содержаніе элементахъ. Трудность легко перейдетъ въ невозможность, если такихъ пестрыхъ нормъ большое количество.

Сдѣлаемъ шагъ къ нашей практикѣ. Въ числѣ обширныхъ обособленныхъ въ юридическомъ смыслѣ территорій русскаго

государства видное мѣсто принадлежитъ остзейскимъ губерніямъ. Законодатель давно искалъ средствъ объединить эти области, по отношенію къ суду и закону, съ другими русскими областями. Усилій потрачено было очень много. Одно время можно было сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла. Въ оффиціальныхъ сферахъ говорили, что для одного перевода матеріаловъ съ латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго на русскій, чтобъ сдѣлать тайны остзейскаго юридическаго быта извѣстными русскимъ законодательнымъ и судебнымъ инстанціямъ, нужна работа цѣлаго штата переводчиковъ въ продолженіе шести до восьми лѣтъ. На нашихъ глазахъ происходило то самое о чемъ повѣствуетъ Помпоній и чему такъ неохотно вѣрять современные романисты (fr. 2 §§ 6 и 7. D. de O. J.), т. е. право и его практика оставались тайной, были недоступны для достовѣрныхъ изысканій внѣ круга непосредственно заинтересованныхъ лицъ. Въ 64 г. это *opus desperatum* появилось на русскомъ языкѣ, въ оффиціальномъ изданіи, и притомъ съ такимъ количествомъ статей, которое вдвое превышаетъ число артиклей французскаго кодекса, дѣйствующаго во всей Франціи (Св. мѣстн. узак., ч. 3, имѣетъ 4600 ст. Франц. код. 2281). Откуда это обиліе нормъ? Оно всегда свидѣтельствуетъ объ индивидуализмѣ въ странѣ, о слабости общественнаго союза, о стремленіи каждаго жить по его праву и право другого разсматривать какъ нѣчто чуждое, ничѣмъ съ моимъ правомъ не связанное. Признаки такого состоянія права мы наблюдаемъ въ странѣ, имѣющей свой университетъ съ давно дѣйствующимъ факультетомъ юристовъ. Что же сказать о русскихъ областяхъ, куда не могъ проникнуть свѣтъ юриспруденціи? Громадная масса нормъ неписаннаго права допущена законодателемъ къ примѣненію въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, гдѣ и кончается ихъ извѣстность. Эти обычныя нормы не собраны, не записаны, за незначительными исключеніями, не приведены къ единству; между тѣмъ несомнѣнно, что ими руководится самая значительная часть низшихъ слоевъ русскаго народа. Точно также мало разработано, недостовѣрно состояніе юридическаго быта русскихъ инородцевъ. Мой многоуважаемый предшественникъ по кафедрѣ, профессоръ К. И. Малышевъ, послѣ многихъ лѣтъ труда и въ совершенно исключительныхъ условіяхъ обладанія самыхъ рѣдкихъ въ книжной торговлѣ сборниковъ, успѣлъ въ 80 г. составить сборникъ разномѣстныхъ нормъ по праву семейному и связаннымъ съ нимъ институтамъ. Сборникъ вышелъ крайне обширный (890 стрр. заключ. 5173 статьи), пригодный особенно для справокъ, и при-

томъ безъ ручательства собирателя, что указываемыя нормы обычнаго права удержали до послѣдняго времени свою силу.

Обращая вниманіе на эту умножающуюся, отъ Франціи и до насъ, пестроту нормъ, мы должны замѣтить, что кромѣ знанія законовъ и обычаевъ, существенное условіе практическаго знанія дѣйствующихъ въ странѣ правъ составляетъ юриспруденція, научное и судебное разумѣніе этихъ нормъ. Въ отношеніи практики суда мы имѣемъ матеріалъ хотя и обширный, но довольно случайный, ибо его освѣщаетъ намъ постоянно только дѣятельность центральныхъ учрежденій имперіи, каковы въ особенности 1-й и 2-й департаменты сената, по крестьянскимъ дѣламъ, старые судебные и теперешніе кассационные департаменты. Безъ этого посредства вся масса судебной дѣятельности окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и другихъ судебныхъ установленій остается почти совершенно скрытой въ архивахъ этихъ инстанцій.

И такъ, многочисленность кодексовъ у насъ, какъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, до послѣдняго времени въ Германіи, съ одной стороны, съ другой — сейчасъ коротко описанное нами общее состояніе нашего юридическаго быта дѣлаютъ задачу изученія и преподаванія нашего гражданскаго права *своеобразно трудною* и во многомъ отличною отъ той же задачи въ факультетахъ на западѣ. Условія успѣшнаго изученія нашего гражданскаго права измѣняются къ лучшему съ каждымъ годомъ. Но, въ настоящее время, при наличности скуднаго содержаніемъ X т. и двухъ обширныхъ провинціальныхъ кодексовъ (остзейскаго и польскаго), нѣтъ возможности, держась близко текстовъ этихъ 3-хъ кодексовъ, излагать дѣйствующее въ Россіи гражданское право.

Сдѣлать содержаніе и тексты X т. доминирующими надъ этими 2-мя кодексами оказалось неудобнымъ для цѣлей *общей кодификаціи*, какъ это было задумано Сперанскимъ, и это совершенно также неудобно для преподаванія, ибо въ X т. введено слишкомъ мало элементовъ, способныхъ стать общими, и самъ онъ составляетъ лишь *предварительную систематическую сводку легальнаго матеріала*, а не окончательную отдѣлку, какую Сперанскій предполагалъ дать русскому праву въ видѣ гражданскаго уложенія, и какой оно не имѣетъ доселѣ. Необходимость текстуальнаго изученія X т., за немногими исключеніями, едва ли нынѣ можетъ быть высоко цѣнима въ виду подготовляемой переработки его текстовъ въ законодательномъ порядкѣ. Съ отмѣной старыхъ текстовъ, несомнѣнно, упадетъ практическій интересъ изученія

какъ ихъ самихъ, такъ и связанной съ ними судебной практики. Обыкновенно осужденные на словъ построенія такого рода перестаютъ привлекать къ себѣ дѣятельные силы ученой юриспруденціи, какъ это мы видѣли недавно въ Германіи по отношенію къ старымъ процессуальнымъ нормамъ, когда юристы ждали появленія новаго устава гражданскаго судопроизводства. Отживающій кодексъ переходитъ понемногу въ область прошлаго.

Возможно было бы думать, что отказывая X-му тому въ пригодности для доминирующаго значенія въ курсѣ, мы хотимъ дать одному изъ мѣстныхъ кодексовъ такое значеніе. Для этого, однако, нѣтъ основаній, ибо, хотя оба вышеназванные кодекса заключаютъ въ себѣ неизмѣримо больше элементовъ общаго права чѣмъ нашъ X т., но во-1-хъ, они, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ, совершенно не самобытны и въ этомъ смыслѣ отнюдь не стоятъ выше X т., и во-2-хъ, тѣ ихъ элементы, которые для насъ, какъ и для всѣхъ, имѣютъ цѣну, именно современное римское и новое (не римскаго происхожденія, называемое нынѣ германскимъ) гражданское право, ушли, въ теперешней ихъ ученой обработкѣ, много дальше современнаго тѣмъ кодексамъ положенія ученій. Вотъ почему намъ нѣтъ надобности принимать за исходную и доминирующую въ нашемъ курсѣ систему ни тотъ, ни другой мѣстный кодексъ.

Какимъ же образомъ дать современному гражданскому праву Россіи освѣщеніе въ краткомъ академическомъ курсѣ? Чтобъ достигнуть этой цѣли, намъ надо не столько держаться текстовъ нашихъ легальныхъ книгъ, какъ это дѣлаютъ французы, сколько *выбирать изъ нихъ общіе элементы строенія гражданскихъ институтовъ*, освѣщать ихъ особенностями исторіи отдѣльных большихъ территорій цивильнаго права, уяснять себѣ причины и условія неразработанности того или другого элемента въ томъ или другомъ институтѣ, устанавливать правильную точку зрѣнія на эти недостатки, опредѣлять случайный или постоянный характеръ этихъ недостатковъ, восполнять ихъ, гдѣ это можно и нужно, въ виду развивающагося цивильнаго быта страны, въ виду практики сдѣловъ и суда. Словомъ, цѣль наша есть *возможное систематическое объединеніе рознаго матеріала нашего гражданского права*, приведеніе его въ такой видъ, какого право должно достигать при дальнѣйшихъ усиліяхъ юриспруденціи научной и практической и при выполненіи, уже существующихъ въ проектѣ, законодательныхъ работъ; существенно — это есть *задача раскрытія элементовъ общихъ нашего цивильнаго быта*, въ коемъ нерѣдко рознь составляетъ явленіе случайное, внѣшнее,

легко устранимое. И если на ряду съ этимъ мы будемъ въ курсѣ останавливаться на нѣкоторыхъ партикуляризмахъ, то только тамъ, гдѣ они составляютъ характерную черту русскаго праворазвитія или крупную модификацію въ системѣ общаго права.

Для достиженія этихъ цѣлей намъ нельзя ограничиться тѣми только средствами, какія даетъ русская письменность. Судьбы гражданскаго права въ разныхъ областяхъ современнаго европейскаго общества далеко не столь розны, чтобы *сравнительное изученіе* ихъ не давало *практически важныхъ результатовъ* для заключеній по нашему праву. То состояніе нашего юридическаго быта, коего нѣкоторыя черты мы дали выше, не есть исключительное для Россіи. Здѣсь для насъ видны только фазы общаго движенія, которыя проходили, частью еще проходятъ, наши западные сосѣди. Въ современной Германіи мы найдемъ много точекъ соприкосновенія съ явленіями нашей жизни, много вопросовъ, заботъ и задачъ совершенно тождественныхъ для нѣмецкой и русской юриспруденціи. Независимо отъ этого, въ прошлыхъ судьбахъ Франціи разрѣшались, хотя, конечно, не совершенно въ томъ же видѣ, но тѣ же вопросы, которые ждуть еще своего разрѣшенія у насъ. Разумѣніе этихъ судебъ гражданскаго права у новыхъ народовъ откроетъ намъ нерѣдко короткій путь для объясненія явленій, уже наступившихъ и имѣющихъ наступить въ нашемъ правѣ.

Мы примѣнимъ эту методу сопоставленій, сравненій, различеній, аналогій, историческихъ и догматическихъ, не только къ вопросамъ общаго характера, но и къ изученію отдѣльных институтовъ гражданскаго права.

Въ академическомъ смыслѣ мы найдемъ возможность обширно утилизировать для изученія современнаго дѣйствующаго въ Россіи гражданскаго права тѣ знанія, какія вы пріобрѣли въ предшествующихъ курсахъ гражданскаго права римскаго.

Въ самой значительной части какъ академической, такъ и литературной обработки современнаго гражд. права вы найдете этотъ пріемъ самымъ общимъ въ наше время.

Нигдѣ въ новомъ мірѣ догма гражданскаго права не развилась такъ самостоятельно, полно и независимо отъ воздѣйствія римскихъ ученій, чтобы возможно было дать сколько-нибудь законченную картину современнаго юридическаго быта страны, не намѣчая точекъ сходства и различія съ римскимъ правомъ. Не только учебные и ученые труды всегда сводятъ счеты съ римскимъ правомъ, но и работы законодательныя на западѣ, какъ и у насъ, не остаются, въ той или другой мѣрѣ, свободными

отъ его вліянiя. Это вліаніе можетъ быть не полное, не сознательное, посредствуемое, случайное, но его легко раскрыть повсюду, на западѣ и на востокѣ, въ старомъ и въ новомъ мірѣ. Наличие этого вліянiя составляетъ *историческую черту всей современной культуры гражданскаго права*, и наоборотъ, отсутствіе или незначительность его скорѣе должны быть рассматриваемы какъ преходящая случайность. Въ странахъ романскихъ это вліаніе есть частью непосредственное, прямое, связанное съ ихъ исторіей; въ германскомъ мірѣ—позднѣйшее, искусственное; у насъ, въ нашихъ историческихъ судьбахъ, менѣе постоянное, неровное, случайное, въ послѣднее пятидесятилѣтіе пріобрѣтающее болѣе постоянное благодаря дѣятельности нашихъ юридическихъ факультетовъ.

Рядомъ съ этимъ, другой элементъ современнаго гражданскаго права, *институты не римскаго происхожденiя*, такъ связать юридическія новообразованiя, восполняютъ систему новаго права. Это тотъ элементъ, который въ нѣмецкой литературѣ слишкомъ узко обозначаютъ наименованіемъ общаго нѣмецкаго права (*deutsches Privatrecht*, также *gemeines deutsches Pr.-recht*) и котораго признаки мы найдемъ нынѣ повсюду, гдѣ общественный строй и экономическая жизнь значительно отличны отъ римскаго.

Кругъ такихъ новообразовавшихся институтовъ далеко не представляетъ собою чего-либо законченнаго, цѣльнаго, способнаго вытѣснить и замѣнить собою старую основу римской цивильной системы.

Повсюду, гдѣ вы найдете обиліе плохихъ кодификаціонныхъ подѣлокъ, какъ, напр., въ Германіи, преподаваніе гражданскаго права распадается на такіе два курса—современнаго римскаго и новаго нѣмецкаго общаго права. За этимъ никакой мѣстный кодексъ не представитъ для юриста трудности въ его усвоеніи, ибо всякій включаетъ въ себѣ необходимо, такъ или иначе разработанныя, именно эти два кардинальныя начала.

Въ двухъ руководствахъ, которыя названы въ Обозрѣніи преподаванiя, вы увидите, въ неодинаковой степени, явные слѣды римской школы ихъ составителей.

Объ этихъ руководствахъ я долженъ сказать нѣсколько словъ.

Руководство покойнаго профессора Дмитрія Ивановича Мейера составляютъ записки его слушателей, которыхъ, быть можетъ, самъ покойный профессоръ никогда не видалъ въ этомъ цѣломъ ихъ составѣ. Самъ профессоръ Мейеръ, представитель хорошей нѣмецкой школы въ юриспруденціи середины 40-ыхъ годовъ, преподавалъ гражданское право въ Казани, потомъ, короткое время, въ Петербургѣ. Его ученая и учебная дѣятельность от-

носится къ той порѣ русскаго законодательства, когда послѣдующія великія событія перерожденія русскаго общества едва предчувствовались. Мейеръ имѣлъ передъ собою кодексъ гражд. права, мало походившій на другіе подобные кодексы по исключительности своего содержанія. Это былъ, какимъ онъ остается въ основѣ и теперь, сводъ указовъ со временъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и до текущаго законодательства, составленный въ интересахъ извѣстности дѣйствующаго законодательства въ кругу лицъ привилегированныхъ классовъ и въ старой сферѣ гражданской юрисдикціи. Это не былъ собственно гражданскій кодексъ, ибо, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ, гражданъ въ ту пору Россія не знала, а извѣстны были дворяне, купцы, духовные и пр. Много инструктивнаго для своей аудиторіи, именно по праву гражданскому, Мейеръ не могъ извлечь, держась близко текстовъ X т. Въ его положеніи много общаго съ положеніемъ преподавателя какого-либо изъ земскихъ нѣмецкихъ кодексовъ, только оно еще менѣе благодарно.

Такіе кодексы очень близки къ практикѣ, обязательны для мѣстной юстиціи, но этимъ формальнымъ авторитетомъ и ограничивается ихъ значеніе. Между тѣмъ, гражданскій оборотъ очень трудно, въ наше время, подчинить территоріальной максимѣ. Когда надо перекрѣплять недвижимыя имущества, совершать завѣщаніе, предъявлять права на наслѣдство, особенно по имуществамъ недвижимымъ, съ характеромъ привилегированнаго обладанія, тогда, конечно, нельзя не держаться самымъ точнымъ образомъ текста извѣстныхъ статей. Но цивильный бытъ существуетъ не этими только функціями. Изученіе такихъ локальных кодексовъ не имѣло никогда значительной аттракціи въ нѣмецкихъ факультетахъ. Аудиторіи собирались у Савиньи, Эйхгорна, Вангерова, Брунса, Келлера, а не у толкователей прусскаго ланд-рехта. Эти люди давали своимъ слушателямъ широкіе взгляды на задачу юриспруденціи, открывали путь національному общегерманскому правовѣдѣнію, слагавшемуся изъ реципированнаго римскаго и прилежно разрабатываемаго нѣмецкаго права. Школа практиковъ вѣдала обыкновенно только мѣстные кодексы, съ чисто территоріальнымъ значеніемъ. Юристы, переходившіе изъ университетскихъ аудиторій въ сферу практической дѣятельности, пріобрѣтали способность разумѣнія любого ландрехта, хотя, быть можетъ, уступали практикамъ въ технику примѣненія того или другого изъ нихъ. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ проф. Дернбургъ думаетъ, однако, что преимущество рутинеровъ мѣстнаго права далеко незначительно, и

что непристрастные цѣнители справедливо предпочитаютъ въ Германіи достоинство теоретически образованнаго юриста умѣлости рутинера даже въ практическомъ дѣлѣ, ибо находчивость практика есть совершенно условная и способная сейчасъ смутиться, какъ только привычный порядокъ статей подвергся измѣненію.

Если Мейеръ ставилъ себѣ задачей дисциплинировать слушателей въ цивильномъ правѣ, удовлетворять ихъ потребности въ юридическомъ образованіи, то онъ не могъ достигнуть этого, держась исключительно содержанія X т. Для него, какъ и для западныхъ учителей, открытъ былъ тотъ же источникъ юридического просвѣщенія, который лежитъ въ современномъ примѣненіи римскаго права и въ видоизмѣненіяхъ гражданскихъ институтовъ, созданныхъ новымъ временемъ. Это дѣлаетъ трудъ Мейера непрактичнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ и труды западныхъ собрatій по разработкѣ догмы гражданского права. Ни пандекты Виндшейда, ни системы германскаго права Гербера, Безелера, Штобе, Рота, Гейзлера, Гирке не научатъ васъ совершать договоры найма вещей и лицъ по прусскому, баварскому или иному праву, точно такъ же какъ и Мейеръ уступить, въ этомъ смыслѣ, въ практичности, любому календарю практическихъ свѣдѣній. Мейеръ трактуетъ о лицѣ, о вещахъ, о сдѣлкахъ юридическихъ, объ условныхъ сдѣлкахъ. Лицо у него является не съ тѣмъ признакомъ, какъ въ сводѣ, сословности, званія, чина; смыслъ этого понятія, какъ увидите ближе впослѣдствіи, совершенно иной, чуждый тогдашнему законодательству, хотя и тогда уже не вовсе чуждый жизни. То же для понятія вещи, очень мало разработаннаго въ старомъ нашемъ правѣ, гдѣ вы встрѣтите вмѣсто понятія вещи понятіе имущества и въ особенности понятіе населеннаго имѣнія. То же, наконецъ, для сдѣлки, для понятія виновности гражданской (culpa)... Словомъ, у Мейера вы находите тотъ же порядокъ изложенія, тѣ же ученія, какія найдете въ любомъ руководствѣ гражданского права. Мейеръ говоритъ сперва о лицѣ, и вы найдете подобное ученіе о лицѣ всюду, гдѣ есть гражданское право, въ комментаріяхъ Гая, ком. 1 § 9, de condicione hominum, въ институціяхъ Юстиніана, de jure personarum, въ Code civil, liv. 1, tit. 1, des personnes, въ Саксонскомъ кодексѣ, erster Theil, 2 Abtheil., von den Personen. Нашъ X т. начинается, однако, не съ этого и нигдѣ не даетъ положеній о лицѣ, о правоспособномъ субъектѣ вообще. Кн. 1, разд. 1 говоритъ о союзѣ брачномъ, соотвѣтственно tit. 5 Code civil „du mariage“, Саксонскій кодексъ трактуетъ

объ этомъ совсѣмъ въ концѣ, въ связи съ положеніями объ опеѣ, о наслѣдованіи. Гдѣ же лицо? Вспомнимъ Карамзина. *О лицахъ* трактовать въ системѣ нашихъ правъ гражданскихъ *въ ту пору* не было резона. Русское населеніе не было связано единствомъ сознанія правоспособной личности. Ученіе о лицѣ скрыто было въ IX т., въ законахъ о состояніяхъ, которые тогда совершенно основательно вводились въ кругъ ученій государственнаго, а не гражданского права. Наиболѣе широкая связь, обнимавшая въ ту пору не только массу своихъ, но и кругъ инородцевъ и запредѣльныхъ славянъ, была *связь церкви*, исповѣданія, и вотъ Сперанскій началъ законы гражданскіе съ того института, который заключаетъ въ себѣ далеко, однако, не гражданское, не свѣтское только начало, но который зато обнимаетъ самый широкій кругъ людей независимо отъ ихъ классовъ и званій. За этими общими положеніями для православныхъ и для иныхъ исповѣданій, въ дальнѣйшихъ частяхъ свода нельзя было связать въ одно цѣлое даже институтовъ имущественныхъ, ибо для одного круга лицъ любопытны были законы, касающіеся имѣній населенныхъ, для другихъ вовсе не X т., а т. XI, въ особенности ч. 2, уставъ торговый, или уставъ ремесленный и фабричный.

Измѣнить этого состоянія розни интересовъ не могъ никакой ученый, такъ же какъ никакой нѣмецкій юристъ не въ состояніи былъ устранить существующей въ Германіи розни мѣстныхъ юридическихъ нормъ. Но въ своихъ конструкціяхъ и нашъ почтенный юристъ и его нѣмецкіе учителя умѣли отыскивать и въ законѣ и въ жизни такіе *элементы общаго права*, которые одни способны связать разные интересы стараго общественнаго строя, безъ которыхъ нѣтъ гражданского права, невозможно и ненужно цивилистическое образованіе.

Скажемъ ли мы, что это все непрактическія задачи? Да, онѣ непрактичны въ смыслѣ узкихъ, обособленныхъ интересовъ классовъ и профессій. Но, какъ справедливо замѣтилъ Ihering въ одномъ изъ своихъ раннихъ трудовъ, въ программѣ новаго журнала (Jahrb. f. d. Dogmatik), „юриспруденція, чтобъ стать наукой практической, не должна преслѣдовать узко практическихъ цѣлей“. Совсѣмъ неудобные для справокъ по разнымъ ландректамъ нѣмецкіе учебники общаго права и столь же мало приспособленные къ задачамъ такого же рода учебникъ Мейера освѣщали, насколько это есть дѣло мысли, путь въ образованію началъ общаго права, къ развитію общности интересовъ въ сферѣ гражданскихъ институтовъ. Кто скажетъ, что въ условіяхъ, въ

которыхъ работалъ Мейеръ, этотъ путь не былъ болѣе практическимъ для юриспруденціи, чѣмъ служеніе интересамъ низшаго свойства, разнымъ, противоположнымъ, по различію сословій, мѣстностей, исповѣданій, профессій?

Условія розни нѣмецкихъ законодательныхъ территорій нынѣ измѣнились; точно также измѣнились и основы нашего стараго общественнаго строя. Старыя кодификаціи признаются одна за другою негодными, осуждаются на сломъ тѣмъ же законодательнымъ авторитетомъ, который нѣкогда ихъ созидалъ. Работа мысли юристовъ, значеніе ихъ построеній, когда-то казавшихся слишкомъ удаленными отъ жизни, все ближе и ближе сходятся съ новымъ ея требованіями, съ требованіемъ единого гражданскаго права для всего государства, одинаковыхъ нормъ гражданской правоспособности для всѣхъ лицъ, рѣзкаго различенія понятій лица и вещи, которое такъ сглаживалось въ старомъ представленіи населеннаго имѣнія...

Въ этомъ смыслѣ книга Мейера составляетъ весьма полезное и въ наше время руководство для образованія русскаго цивилиста. Мы будемъ держаться, въ общемъ, того же порядка изложенія, того же метода, видоизмѣняя, конечно, старыя ученія соотвѣтственно успѣхамъ послѣдующей литературы и новому теченію законодательства.

Другое цѣнное руководство для русскихъ цивилистовъ составляетъ Курсъ гражданскаго права К. Побѣдоносцева въ 3-хъ частяхъ. Составъ руководства иной, чѣмъ у Мейера, общей части нѣтъ вовсе. Въ цѣломъ это очень обширное сочиненіе, обнимающее въ 3-хъ большихъ томахъ вотчинныя права, семейное и наследственное право, договоры и обязательства. Не всѣ части этого капитальнаго сочиненія нужны сейчасъ же и не всѣ одинаково цѣнны. Наиболѣе цѣнную часть составляютъ Права вотчинныя, изд. 4-ое. Побѣдоносцевъ юристъ-практикъ, принявшій на себя временно, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, преподаваніе гражданскаго права въ московскомъ университетѣ. Въ его курсѣ, особенно въ названной части, вы встрѣтите рѣдкое не только у насъ, но и въ Германіи, сочетаніе настоящихъ практическихъ знаній съ весьма солиднымъ юридическимъ и историческимъ образованіемъ. Такъ какъ практика старыхъ судовъ вращалась больше въ сферѣ правъ вотчинныхъ, по передачѣ ихъ сингулярной и универсальной, то и тѣ части курса, кои относятся къ системѣ правъ вотчинныхъ и правъ наследованія, несомнѣнно выше другихъ, гдѣ рѣчь идетъ о договорахъ и обязательствахъ. Курсъ